

23 июня 2016

КАЛИНИНГРАДСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ КАК РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

Василий Щипков

В июле 2016 года в день своего 70-летия Калининград будет отмечать 761 год Кёнигсберга. Желание быть одновременно с Европой и Россией вынуждает местную интеллигенцию балансировать между желаниями двух господ. Это балансирование приводит к тому, что жители региона оказываются в ситуации, когда им навязывается новая многосоставная идентичность. Сегодня калининградцы – это и «россияне», и «европейцы», и герои, освободившие Европу от фашизма, и наследники Советов, «оккупировавших» эту Европу. Но если для меньшинства такое мировоззренческое балансирование – это способ существования, то для большинства жителей области – опасность развития культурно-исторической шизофрении.

Калининградские интеллектуалы, формирующие региональный дискурс, раздражаются, когда кто-то из местных или приезжих заводит разговор о «калининградском сепаратизме». Его называют в лучшем случае «шарлатаном». Если же избежать неприятного разговора таким образом не удаётся, часто можно услышать, что сепаратизм в конечном счёте обостряет сама Москва своим повышенным вниманием к этой теме.

Тема сепаратизма в местных интеллектуальных дискуссиях табуирована. Она невыгодна никому: ни интеллигенции, на которую она навешивает некрасивый ярлык и мешает развивать связи с зарубежным сообществом, ни областным и муниципальным властям, для которых она является прямым подтверждением их неэффективности.

Сегодня в Калининградской области, действительно, нет сепаратистского движения, как нет и консолидированных регионалистов. Исключения составляют лишь отдельные провокаторы, например, те, что вывесили в 2014

году на здание местного ФСБ флаг ФРГ в знак протеста против воссоединения Крыма с Россией: «Если Крыму можно в Россию, то почему Калининграду нельзя в ФРГ?». Однако принято считать, что эти активисты настолько единичны и маргинальны, что говорить о них как об угрозе некорректно, а в данном конкретном случае вина якобы лежит на самом государстве, которое своими действиями раздуло из «рядового происшествия» целое уголовное дело.

Опустим историю о ликвидированной в 2005 году сепаратистской «Балтийской республиканской партии», попытках создать движение калининградских регионалистов, генеральной репетиции «болотных» протестов, которая прошла в Калининграде ещё в 2010 году. Поговорим о том, что сепаратизму обычно предшествует, – о механизмах подготовки общественного мнения к идее о возможности выхода региона из состава государства и о том, как эти механизмы функционируют в Калининграде.

Главной задачей в проекте, который можно условно назвать «независимый Калининград», становится дестабилизация общественно-политической обстановки. Если среди населения повысится уровень напряженности и раздражения, это сделает его более отзывчивым к информационным поводам и менее чувствительным к манипуляциям.

Но можно ли радикализировать население, в первую очередь молодёжь, в благополучном регионе, где нет депрессивных настроений и серьёзных дестабилизирующих факторов? Теория и практика информационного противостояния говорит, что дестабилизировать можно любой регион и при любой обстановке. Классический пример, который используется в теории политического пиара, – диалог змия и Евы в Эдемском саду. Змий предлагает Еве плоды от древа познания добра и зла и говорит: «В день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло». Змий вносит смещение в ту картину мира, которая существует в сознании Евы, он разделяет её бытие, которое до этого было целостным. После этого представление Евы о мире меняется, оно уже состоит из двух картин, которые вступают в противоречие между собой и вынуждают её сделать выбор в пользу одной из них. При этом в раю не было ни социально-экономических, ни исторических, ни иных объективных предпосылок для грехопадения, кроме одного провокационного вопроса.

Задача политтехнолога создать аналогичную ситуацию, то есть сконструировать проблему и поставить её перед жителями региона. Здесь, как и в Эдемском саду («будете как боги»), активно используется тема идентичности. Информационная стратегия использования этого фактора для дестабилизации обстановки в Калининградской области сегодня выглядит следующим образом.

Сначала замедляется процесс укоренения жителей области на собственной земле и в своей истории. Продвигается тезис, что в области нет коренного населения, а все жители – временщики и потомки временщиков. Эта точка

зрения сегодня широко распространена в калининградской прессе, в местной краеведческой литературе и в сознании самих жителей. Калининградцы любят рассказывать приезжим шутливую байку о том, что после выселения немцев в 1945-1947 гг. в области остались брошенные домашние животные – коты, которые и являются «полноправными владельцами» калининградской земли: *«Новые переселенцы [из послевоенного СССР] были рады встречавшим их котам, брали их на колени, наслаждаясь тёплым мурлыканьем. И постепенно, через это мурлыканье, калининградцы узнали, что кошки – это единственные коренные жители этой земли, они здесь главные».*

Эта история выглядела уже не такой шуточной после моего разговора с местным офицером-пограничником, выросшим и служащим в Калининграде. В нашей беседе он сказал: *«В случае войны мы, конечно, будем воевать и погибать за эту землю. Но внутренне все мы, военные и простые жители, чувствуем, что на самом деле живём на чужой земле. Мы здесь как бы в гостях».* Это чувство неукоренённости становится благодатной почвой для того, чтобы развивать и конструировать на ней модели новой калининградской идентичности.

Далее в местном информационном пространстве перед жителями ставится вопрос, могут ли они называть себя настоящими россиянами, будучи отрезанными от «большой России», не являются ли они особенными, «другими» россиянами. Эта неопределённость усиливает их негативную самоидентификацию: калининградцы в этом случае и не «европейцы», и «не вполне россияне», и ещё не отдельный народ. Необходимо, чтобы жители области спросили себя: «Кто мы?». Сегодня это главный публичный вопрос, звучащий от калининградских интеллектуалов, развивающих тему местной идентичности.

Тема калининградского сепаратизма была закрыта в начале 2000-х годов, когда в стране началась политика централизации и собирания земель. В 2001 году тема сепаратизма в местных дискуссиях уступила место исследованиям калининградской идентичности. С тех пор благодаря российским и зарубежным научным грантам это направление развилось, сформировало свою научную школу и воспитало несколько поколений специалистов. Простой интернет-поиск по местным научным изданиям и СМИ может показать, сколько написано на эту тему и каких только вариантов местной идентичности не предлагалось. Их палитра располагается между двумя противопоставляемыми крайностями: «русской» и «европейской».

С этого времени местные социологические исследования стали показывать рост числа людей, относящих себя к сторонникам расширенной автономии, «европейцам» или «калининградцам» как особому субэтносу (включающему «евророссиян», «балторуссов», «кёнигсбержцев» и др.). При этом число «россиян» все эти годы сокращалось. Только после калининградских протестов

2010 года на проблему «калининградской идентичности» обратили внимание федеральные власти.

Смена политической ситуации повлияла и на организаторов, и на респондентов соцопросов: количество «европейцев» и «сепаратистов» сократилось до уровня статистической погрешности, а соотношение «калининградцев» и «россиян» пришло к паритету.

В настоящее время местные исследования направлены на изучение калининградской локальной идентичности, которое, по сути, мало отличается от её конструирования. Существование в области особого «субэтнуса», народа, который способен противопоставить своё «калининградство» – «российскости», меняет правила дискуссии. Если раньше она строилась по принципу «плохие сепаратисты – хорошие калининградцы», то сегодня сами калининградцы становятся действующим субъектом (новым «этносом») и начинают дискутировать с «россиянами» и Москвой. В этой ситуации будет сложно обвинить «калининградцев» в сепаратизме, так как это будет означать федеральный запрет на региональный патриотизм и усилит аргументацию регионалистов.

Следующий шаг направлен на развитие в регионе идеи о двух путях развития: прогрессивном европейском и регрессивном советско-российском. Эта ценностная парадигма, противопоставляющая «перспективный» Запад – Москве с её «колониальным» и «азиатским» управлением, становится здесь привычной. Эту риторику просто использовать, поскольку она в целом широко распространена на постсоветском пространстве, имеет свою историю и экспериментально была неоднократно апробирована. В последний раз – на Майдане.

Далее с укреплением этой парадигмы в сознании жителей будет усиливаться расхождение между двумя образами будущего. Перед жителями ставится выбор: или они становятся отдельным европейским субэтносом, что делает их «белой костью» в российском обществе и открывает для них возможность почувствовать себя «людьми» в Европе, или они остаются «провинциалами» и «маргиналами» на «чужой земле». При этом утверждается: «мы не европейцы, поэтому мы и наша жизнь неполноценные».

Эти две противостоящие друг другу картины мира нужны не сами по себе и тем более не для того, чтобы регион выбирал, войти ли ему в состав ЕС, или остаться в России. С политтехнологической точки зрения у региона не должно быть никакого свободного выбора. Это противопоставление необходимо только для того, чтобы создать постоянное состояние конфликта ценностей и идентичности.

Затем этот конфликт «закольцовывается», создаются условия, чтобы он воспроизводился и не заканчивался, оставляя жителей в постоянном

напряжении. Для этого одновременно с мечтой о вхождении в «европейскую семью народов» продвигается ряд идей, которые якобы мешают эту мечту осуществить. Эти идеи широко известны и транслируются в области частью интеллигенции, а затем и простыми жителями: калининградцы исторически неполноправны (так как не являются «коренными»), неполноценны и «маргинальны» (существует устойчивый миф, что область после войны заселили бывшие уголовники и авантюристы, которые обладали низкими интеллектуальными способностями), несут бремя вины как наследники советского государства, морально ответственны за «вторжение на чужую землю», депортацию немцев, разрушение памятников немецкой архитектуры и «варварство». Для этой технологии важно, чтобы жители находились в состоянии постоянного покаяния, но при этом не давать им прощения, не освобождать их от этого навязанного груза. Чем более они «виноваты» и «неполноценны», тем менее они достойны «европейской мечты». Как в нехорошем сне: приближаясь к цели, они будут от неё всё дальше.

Этот внутренний непреодоленный конфликт отражается на культурной жизни и мировоззрении калининградцев. Одной рукой город вешает памятные таблички придворной поэтессе Гитлера и кёнигсберженке Агнес Мигель, которая не отказалась от «Клятвы верности» фюреру» даже после войны. Другой рукой в рамках федеральных программ устанавливает памятники русским героям Первой мировой и Великой Отечественной войны. В Калининграде распространено выражение «параллельная историческая память», здесь оно несёт позитивную коннотацию. В этой памяти наслаиваются противоречащие слои – русская и немецкая топонимика, российская и европейская историография, «историческая вина» и «европейская мечта». В этом «параллельном» мире главным становится вопрос «кто мы?».

Если поддерживать это внутреннее идейное и ценностное противостояние в мировоззрении калининградцев, то однажды оно достигнет точки кипения и станет ликвидным политической ресурсом.

Сегодня, говоря о доказательствах калининградского сепаратизма, чаще всего приводят в пример германизацию региона: возвращение немецкой топонимики, популяризация в местной историографии немецкого прошлого этой земли, её «кантизации» (чрезмерное и повсеместное возвеличивание фигуры И. Канта). Но не Кант или «германизация» страшны Калининграду: русский народ (85% населения области – русские) неконфликтен и умеет примирять в своём мировоззрении разные культуры, сможет он органично принять и германское наследие региона.

Опасность заключается в формировании в области очередного полигона для столкновения двух ценностно-политических картин мира – «русской» и «европейской». Что будет требовать раздражённый народ на первом Калининградском «майдане» – переименования города в Кёнигсберг и присоединения к ФРГ? Нет. Будут использованы майданные лозунги, быстро

переходящие от формальных экономических требований к политическим: расширение региональной автономии, безвизовый режим с ЕС, демилитаризация региона и её нейтральный военно-политический статус. Этот переход будет обеспечен перегретым внутренним ценностным конфликтом, навязчивым желанием «убить москаля» в себе, в своём ближнем и государстве. Далее последуют второй и третий калининградские «майданы», на которых будут звучать призывы выйти из состава РФ и требования ассоциации с ЕС. Противники этого процесса будут обвинены в недостаточном региональном патриотизме и записаны в наёмники Москвы. Сторонники особой калининградской идентичности уже используют протестно-либеральный язык, в котором ругательными становятся такие словосочетания, как «русский мир», «духовные скрепы», «территориальное единство», «Русская Православная Церковь».

Сегодня в местных вузах, научных исследованиях и медиасфере Калининграда решается, станет ли риторика калининградского регионализма политическим ресурсом, а тема идентичности – базой будущих общественных протестов.